

Преподавание или наука: нелегкий выбор доктора и профессора А.А.Глаголевой-Аркадьевой (1884–1945)

145-летию Московских высших женских курсов посвящается.

О.А.Валькова

Аннотация. Статья посвящена одной из самых знаменитых выпускниц Московских Высших женских курсов, доктору физико-математических наук А.А.Глаголевой-Аркадьевой (1884–1945). Особое внимание уделено периоду обучения Глаголевой на ВЖК, а также ее преподавательской деятельности. Статья основана на ранее неизвестных архивных источниках.

The article is dedicated to the biography of Russian woman-scientist, Dr. of Physics and Mathematics A.A.Glagoleva-Arkadieva (1884–1945) in honor of the 145 anniversary of Moscow women's courses for higher education as she is one of its most famous graduates. Special attention is paid to her time as a student as well as to her teaching activities later in life. The paper based on previously unknown archival data.

Ключевые слова. История Московских Высших женских курсов; А.А.Глаголева-Аркадьева; женщины-ученые.

History of Moscow women's courses for higher education; A.A.Glagoleva-Arkadieva; women-scientists.

145 лет назад, в 1872 г., в Москве были открыты курсы профессора Герье, положившие начало высшему женскому образованию в России. С тех пор и на протяжении всего XX в. это учебное заведение, известное под разными названиями, развивалось, дав миру немало выдающихся специалистов. Естественно, большинство выпускниц Московских Высших женских курсов выбирали профессию учителя средней школы или врача, если речь шла о медицинском отделении. Тем не менее, из их стен вышло немало выдающихся ученых, в том числе ученых всемирно известных. Одна из них — Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева (1884–1945).

А.А.Глаголева-Аркадьева, одна из первых в СССР женщин-докторов физико-математических наук, профессор, автор многих научных работ и учебных курсов, физик, совершившая выдающееся научное открытие, родилась 16 февраля 1884 г., в селе Товарково Богородицкого уезда Тульской губернии. О ее семье известно очень немного: отец, Андрей Глаголев, служил священником села Товарково [1, л. 40, 40 об.]. Имена матери, братьев и сестер не упоминаются в доступных на сегодняшний день документах. Известно, что семья была большой и, как многие семьи священников, очень бедной. 20 февраля 1910 г., заполняя бланк на получение пособия на оплату обучения, Александра Андреевна на вопрос анкеты: «На какие средства живет в Москве?», — отвечала: «Средства на содержание достаю сама, ввиду многосемейности родителей, имеющих 9 человек детей, из которых только один состоит на месте, получая 25 р. в месяц, остальные же находятся в таком положении: двое учатся в высших учебных заведениях ... ; двое — в средних учебных заведениях в Туле, трое маленьких учатся еще дома и, наконец, дочь-вдова, с четырьмя малолетними детьми, которой необходимо помогать, ввиду ее материальной необеспеченности» [2, л. 43]. О своем детстве и начальном образовании Глаголева весьма лаконично рассказала в одной из автобиографий: «В детстве имела очень живой и восприимчивый характер. Самоучкой научилась читать и писать; сама приготовилась к поступлению в среднюю школу. Помню,

как настойчиво просила я своих родителей отвезти меня в Тулу на вступительный экзамен раньше, чем они сами предполагали это сделать. Не помню, каковы были мои ответы на экзаменах, но хорошо помню свое торжество: я была принята в среднюю школу, к удивлению своей семьи» [3, л. 43].

В 1900 г. А.А.Глаголева окончила курс Тульского епархиального училища. В 1901 г. МВЖК вновь начали прием слушательниц после вызванного правительственными распоряжениями перерыва. Казалось бы, ситуация складывалась благоприятно для молодой Глаголевой. Но незамужним, несовершеннолетним девушкам для поступления на ВЖК требовалось письменное разрешение отца. В 1901 г. Глаголевой исполнилось 17 лет, она страстно хотела учиться, но ее родители возражали. Во всяком случае, именно так утверждала сама Глаголева. И это ее утверждение как-то незаметно «перекочевало» и в посвященные ей исторические работы. К.А.Волкова, например, писала: «А.А., как и многие женщины того времени, выдержала борьбу с родителями за право на высшее образование, за самостоятельную жизнь и работу» [4, с. 18–19]. И действительно, подвергать эти сведения сомнению не было никаких причин. Ученица А.А.Глаголевой-Аркадьевой С.С.Зильберштейн рассказывала с ее слов, что в конце концов Александре Андреевне пришлось просто убежать из дома, «выпрыгнув в окно» [5, л. 7]. Другая ее ученица, Е.М.Румянцева, вспоминала, что день отъезда Александры Андреевны в Москву стал для ее семьи «днем семейного траура» [6, л. 2]. Сама Глаголева с неподдельной горечью писала об этом: «Только ценой разрыва с моей семьей, горячо любившей меня и также горячо любимой мной, мне удалось добиться поступления в высшую школу, без всякой надежды на материальную помочь со стороны» [3, л. 43].

Таким образом, по окончании училища Александра Андреевна поступила не

на ВЖК, а на службу — учительницей в сельскую школу. Здесь впервые проявился ее педагогический талант. Несмотря на острое разочарование из-за невозможности учиться дальше, она выполняла свою работу с искренним увлечением. Впоследствии она вспоминала, что при поступлении в школу у нее было 35 учеников, а уходя через шесть лет, она оставляла уже 130 [3, л. 44]. Тем не менее, работа учительницы начальных классов не могла удовлетворить ее, и время, проведенное в сельской школе, стало для нее серьезным испытанием. Позднее она писала: «Только благодаря своему живому характеру и неистощимой любви к жизни и работе я сохранила в себе душевное равновесие в эти годы; серьезная педагогическая работа в школе, которой я отдавала почти все свое время, и скрытая от окружающих работа по подготовке в высшую школу, связанная с тренировкой воли перед ожидавшей меня трудовой студенческой жизнью, гармонично сочетались во мне» [3, л. 43–44].

Однако время шло, возражения родителей были преодолены и к 1904 г. желанное разрешение отца получено [7, л. 2]. А поступить на курсы все не удавалось: Глаголева трижды подавала заявления (в 1904, 1905 и 1906 гг.) с просьбой о приеме, и дважды получала отказ. Подавая третье по счету прошение, она умоляла: «Прошу Вас, Ваше Превосходительство, хоть в этот раз не отказать в моем прошении. Мое желание учиться не есть каприз, могущий с течением времени забыться; нет, это желание — цель моей жизни; оно никогда во мне не ослабевало: вот это уже третье мое прошение к Вам. Не закрывайте же деверей Высших курсов для искренне жаждущего учения! Вот уже 6 лет прошло с тех пор, как у меня впервые вполне ясно и твердо явилось желание учиться. Несмотря на разные препятствия со стороны родных, я удержала свои взгляды и осталась верна им. Теперь я достигла своего: родные согла-

сились с моими взглядами: они согласны отпустить меня учиться, — но самое главное, — алтарь знания — закрыт для меня. Три раза я просила открыть его для меня, и два раза уже получала отказ. Неужели третья мое прошение — оставшись "глазом вопиющего в пустыне", окончательно убьет мои стремления, подорвет мои последние силы для борьбы с препятствиями на пути к цели жизни и заставит меня всю оставшуюся мою жизнь посвятить предмету неинтересному для меня с твердым и грустным сознанием того, что призвание мое было другое, и что оно неправильно разбито» [8, л. 1, 1 об.].

Можно предположить, что Александра Андреевна получала отказы из-за своего среднего образования. Желающих поступить учиться на МВЖК было больше, чем доступных мест, и на курсах существовал конкурс аттестатов. Большинство претенденток были выпускницами гимназий, часто частных, готовивших девочек по программе мужских гимназий, окончившими, кроме того, дополнительный, так называемый педагогический класс. По существовавшему в Российской империи делению гимназии принадлежали к учебным заведениям I-го разряда, епархиальные училища — II-го. Программа гимназий была значительно более насыщенной и сложной, а подготовка, получаемая их выпускницами, более серьезной и глубокой. Епархиальные училища не могли с ними соперничать никоим образом. Тем не менее, третье прошение Глаголовой было, наконец, удовлетворено и, несмотря на все препятствия, в 1906 г. А.А.Глаголова поступила на физико-математическое отделение Московских Высших женских курсов.

«Мне трудно передать воспоминание о тех счастливых, на всю жизнь запечатлевшихся минутах, когда я впервые вошла в здание МВЖК... Нет слов для описания чувств, пережитых мною при посещении первых лекций. Я ис-

пытывала чувства благоговения перед профессорами, которые мне казались сверхлюдьми, когда они в аудиториях демонстрировали пред нами власть человека над природой, вызывая по своему желанию те или иные физические явления и химические процессы», — писала она [3, л. 44]. Но не только лекции интересовали молодую женщину. Она увлекалась литературной, художественной и даже политической жизнью Москвы; посещала Художественный театр, картинные галереи, литературные вечера, на которых выступали В.В.Бересаев, Л.Н.Андреев и др., но ничто не могло соблазнить ее: «... сутолока столичной жизни никогда не могла оторвать меня от лекций и лабораторий; они были в моей студенческой жизни всегда впереди всего», — писала она [3, л. 44].

Следует еще заметить, что, несмотря на обещание финансовой поддержки, данной Александре Андреевне при поступлении на курсы, семья мало чем могла ей помочь. Глаголовой самой приходилось зарабатывать не только на жизнь, но и на оплату обучения на МВЖК, поэтому все годы учебы она продолжала педагогическую деятельность: давала частные уроки, работала в вечерней школе при общежитии для вдов и сирот. Этот ее заработок, по ее воспоминаниям, «являлся единственным средством [для] существования» [9, л. 35].

С третьего курса А.А.Глаголова стала посещать специальную физическую лабораторию профессора А.А.Эйхенвальда. Именно тогда, по ее словам, она начала «серьезно заниматься физикой» [3, л. 44]. По окончании Высших Женских курсов в 1910 г. (полный курс обучения составлял тогда четыре года), Александра Андреевна получила предложение остаться работать при кафедре физики МВЖК в должности ассистентки. Предложение это было ею принято: «Мне часто приходилось слышать от своих товарищей по учению, и самой лично казалось, что у

меня есть склонность к педагогической работе и умелый подход к ней, и потому я имела смелость прямо со школьной скамьи занять предложенное мне место в ВУЗ'е», — объясняла она [9, л. 35]. Это решение определило всю ее последующую жизнь.

Коллеги, знавшие Александру Андреевну в те времена, отзывались о ней с неизменным восхищением: «Я помню А.А. по ВЖК молодую и цветущую..., — писала Е.М.Румянцева. — Она была изумительным руководителем студенческого практикума. Еженедельно по пятницам студентки специалистки по физике докладывали о своих работах. Доклады строго обсуждались присутствующими профессорами и преподавателями. А.А. была душой этих коллоквиумов. Она вкладывала много своего труда, своей помощи в эти наши студенческие работы. Очень волновалась за докладчиков, переживая вместе с ними весь трепет творческого выступления. И по окончании докладов за чашкой чая студентки делились с А.А. впечатлениями, внимательно прислушивались к ее замечаниям, строили планы на будущее» [6, л. 1].

Занимаясь преподаванием, отнимавшим много времени и сил, Александра Андреевна одновременно писала дипломную работу «О конденсации паров на ядрах» и готовилась к сдаче экзаменов в Государственной испытательной комиссии при Московском университете. Эти экзамены были ею выдержаны в 1913 г. [10, л. 7]. А через год, в 1914 г., началась Первая мировая война, внесшая корректиды в жизненные планы множества людей, в том числе и А.А.Глаголовой. Именно тогда произошло ее первое со-прикосновение с медициной: «Среди многих самых существенных задач того времени была задача по спешной организации сети рентгеновских кабинетов при военных госпиталях. В то время, как за границей имелась готовая, хорошо развитая сеть рентгеновских кабинетов

и институтов, нам надо было не только спешно организовывать рентгеновские кабинеты, но организовывать их при минимальных возможностях, т.е. почти из ничего. В таких именно условиях мне удалось организовать рентгеновский кабинет для большого военного госпиталя при Моск[овских] ВЖК, работа в котором велась мною с кружком студенток до конца войны», — писала она [9, л. 35 об.].

По воспоминаниям С.С.Зильберштейн, уже перед началом нового, 1914 учебного года, помещение физической лаборатории профессора А.А.Эйхенвальда в здании МВЖК было отдано под лазарет для раненых. Самого А.А.Эйхенвальда объявление войны застало за границей и ему пришлось потратить немало времени на возвращение в Россию. А.А.Глаголева взялась за организацию рентгеновского кабинета в его отсутствие, получив, однако, разрешение тогдашнего директора курсов С.А.Чаплыгина. Кроме нее, в создании кабинета принимало участие несколько студентов. «Работали мы главным образом по вечерам, когда у всех заканчивалась своя текущая работа, работали с увлечением до поздней ночи», — писала С.С.Зильберштейн [5, л. 2 об.]. Через два месяца оборудование рентгеновского кабинета было завершено, и начался прием раненых. Однако Александра Андреевна и члены ее команды продолжали по очереди дежурить в Кабинете. Дело усложняло еще и то, что часть приборов должна была использоваться для демонстраций во время лекций, их приходилось снимать и затем вновь устанавливать в рабочее положение. Однако работа в Кабинете была налажена хорошо, а врачи — довольны снимками. В 1916 г. по просьбе правления Общества изучения и распространения физических наук им. Н.А.Умова Александра Андреевна впервые вела практические занятия по рентгенологии [5, л. 5]. Помимо этого, Глаголева во время войны работала в рентгеновском кабинете при военном

госпитале для тяжело раненых, в Павловской общине [9, л. 35 об.].

Работа в рентгеновских кабинетах привела Александре Андреевне к ее первому крупному научному достижению: «На почве совместной работы моей с военными врачами-рентгенологами в рентгеновских кабинетах, — писала она, — у меня возникла идея [работы] прибора, вылившаяся сначала в теоретическое исследование по рентгеностереометрии; на основании этого исследования вскоре мною же был выработан тип точного измерительного прибора — рентгеностереометра, дающего возможность вполне точно измерять глубину залегания пуль и осколков внутри живого человеческого организма» [9, л. 35 об.]. В 1916 г. Глаголова выступила на I Всероссийском съезде рентгенологов и радиологов, проходившем в Москве 16–19 декабря, с описанием своей работы по рентгеностереометру. Позднее она писала, что ее выступление вызвало искренний интерес врачей-рентгенологов, работавших в прифронтовых лазаретах [11, с. 36]. В течение 1920–22 гг. она опубликовала несколько научных статей по этому предмету. Забегая вперед, скажем, что в 1920 г. ВСНХ выделил средства для производства рентгеностереометров системы Глаголовой. Их производство было поручено заводу Треста точной Механики. Поскольку на заводе не нашлось специалиста, Александра Андреевна руководила работами лично, для чего, по ее словам, ей «приходилось иногда ходить на завод пешком за 13–14 верст» [9, л. 36]. Один из произведенных тогда приборов впоследствии был установлен в Рентгеновском кабинете II Московского государственного университета. Высказывалось предположение, что рентгеностереометры можно будет использовать не только для обнаружения инородных предметов в теле человека, но и для диагностики патологий различных внутренних органов и, особенно, в акушерстве для точного измерения ши-

рины таза у женщины перед родами [12, с. 99–112], а также для технических целей.

С окончанием войны рентгеновский кабинет при госпитале МВЖК был переоборудован для учебных целей II Московского государственного университета, в который были переименованы Московские Высшие женские курсы в 1918 г. В 1920 г. Александра Андреевна получила право самостоятельного преподавания и начала читать свой первый, приват-доцентский курс «Физические основы рентгенологии», а также вести практические занятия по рентгенографии. «Этот курс читается мной до сих пор и охотно посещается студентами. Со времени основания рентгеновского кабинета, в течение 16 лет, я состою заведующим им; работу в нем в военное время, также и работу по заведыванию им, ведение практических занятий и т.д. выполняла и выполняю бесплатно», — писала она в 1930 г. [9, л. 35 об., 36], на кануне присвоения ей звания профессора уже II Московского Государственного Медицинского института (выделенного из состава II Московского государственного университета).

Однако прежде чем перейти к этому этапу жизни Глаголовой (теперь уже Глаголовой-Аркадьевой, поскольку в 1919 г. она вышла замуж за физика, впоследствии чл.-корр. АН СССР В.К.Аркадьева (1884–1953), следует сказать несколько слов о другой стороне ее научной деятельности, в то время еще никак не связанной с медициной. В 1918 г. Глаголова-Аркадьева была зачислена преподавателем Физико-математического факультета I МГУ [10, л. 7]. А в 1920 г. она начала регулярно заниматься в Лаборатории электромагнетизма им. Максвелла, организованной в 1919 г. при I МГУ В.К.Аркадьевым, работая над проблемой получения миллиметровых электрических волн, проблемой, вот уже более 20 лет мучавшей физиков. В 1922 г. она до-

билась полного успеха в этой области, создав так называемый массовый излучатель, с помощью которого ей удалось впервые в мире получить короткие электромагнитные волны длиной от 0,08 до 50 мм. Как писал профессор Н.Н.Малов: «...наибольшую известность Александра Андреевна приобрела своими исследованиями в области микроволн, где ей удалось заполнить пробел между кратчайшими электромагнитными волнами, получаемыми электрическими методами, и инфракрасными лучами, возникающими в результате молекулярных колебаний. Этот пробел охватывал интервал от 6 мм (волны Лебедева, 1895 г.) до 343 микрон (волны Рубенса, 1911 г.) и долго не поддавался заполнению» [13, с. 214]. В том же 1922 г. Глаголева-Аркадьева выступила с докладом о своем открытии на III Съезде Российской ассоциации физиков, проходившем с 17 по 21 сентября в Нижнем Новгороде. В 1923 г. этот доклад был опубликован в «Трудах» съезда [14, с. 39–40], в 1924 г. ее статью поместил журнал «Nature» [15, с. 640].

Эти публикации сделали имя А.А.Глаголевой-Аркадьевой известным во всем мире. Как писала К.А.Волкова: «...к А.А. стали поступать из-за границы многочисленные запросы о подробностях устройства и режима нового прибора, о действии полученных волн на живые организмы, на химические вещества и т.п. ... Научно-популярные журналы просили выслать фотоснимки прибора, ее лаборатории и фото самого исследователя. Многие читатели присыпали поздравления, изобретатели посыпали свои соображения об усовершенствовании прибора или свои предложения новых конструкций» [4, с. 8]. С.И.Вавилов и А.Ф.Иоффе в совместной статье, посвященной Александре Андреевне, отмечали: «Массовый излучатель А.А.Глаголевой-Аркадьевой в Германии был предметом ряда докторских диссертаций. Он нашел применение для изме-

рений в области миллиметровых волн, которых не дают другие генераторы электрических колебаний» [16, л. 4; 17, с. 296]. Все последующие годы Александра Андреевна продолжала исследования в области кратчайших электрических волн.

Может показаться странным, но в 1920-е гг. научная работа Глаголевой была исключительно ее личным делом. Исследовательница проводила эксперименты в свободное от других занятий время и совершенно бесплатно: «За все время научной деятельности я [не имела штатного места], не состояла в научно-исследовательских институтах и, следовательно, вела научную работу только в немногие, свободные от многочисленных и разнообразных занятий в ВУЗ'ах, часы, разумеется, бесплатно», – писала она [9, л. 36 об.]. А свободного времени у нее было очень и очень немного. Александра Андреевна читала курсы и вела практические занятия во II МГУ; одновременно в 1924–29 гг. она читала курсы на физическом факультете I МГУ. В 1922–1923 гг. она прочитала курс популярных лекций в Политехническом музее [9, л. 36]. В 1925 г. ее пригласили организовать преподавание физики в Рабочем университете Фрунзенского (бывшего Хамовнического) района Москвы, где она также читала лекции и вела занятия в лаборатории в 1927–1930 гг. [9, л. 36]. В то же самое время она принимала участие в организационной работе вузов.

При подобной огромной научной, педагогической и организационной нагрузке условия повседневной жизни Александры Андреевны были далеки от идеальных. Вместе со всей Москвой она переживала голод, холод и болезни, сопутствовавшие революционной эпохе. Так, зимой 1918–19 гг. она перенесла тяжелейший тиф; зиму 1919–20 гг. они с мужем прожили на кухне их новой общей квартиры, поскольку это была единственная отапливаемая комната в доме. Только зимой 1926–27 гг. в доме

заработала, наконец, система централизованного отопления [9, л. 20]. Тем не менее, Александра Андреевна не унывала. Единственное, что ее удручало, — что «огромная нагрузка мешала научной работе» [9, л. 20].

В целом же это были годы ее славы, научного признания, успеха, которым она по праву могла гордиться. Она активно публиковала результаты своих исследований не только в России, но и за границей; коллеги-ученые устраивали ей торжественные приемы. Например, не без юмора она записала о IV съезде Российской ассоциации физиков, состоявшемся осенью 1924 г. в Ленинграде: «Торжественный прием меня» [9, л. 19 об.]. Летом 1928 г. Александра Андреевна совершила свою первую заграничную поездку, во время которой она посетила Берлин, Париж, Гамбург, Кельн. В Берлине она участвовала в научной конференции по коротким электрическим волнам и присутствовала на заседаниях Физического общества, проводила консультации в лаборатории в Шарлоттенбурге, в которой был установлен ее массовый излучатель, правда, немецкого производства [9, л. 20; 4, с. 9–11], в Гамбурге участвовала в работах Съезда Естествоиспытателей и врачей [18, л. 80]. Однако уже в 1927 г. в отечественных высших учебных заведениях начался период серьезных реорганизаций, что не могло не коснуться и Александры Андреевны.

В сохранившихся кратких погодных записях, которые Глаголева либо вела регулярно, либо (что более вероятно) составила в последние годы жизни, возможно, предполагая писать воспоминания, она отмечает напротив даты «1926/1927»: «Осень — сокращение во II МГУ» [19, л. 20]. Напротив даты «1929/1930»: «Осень — чистка и сокращение в МГУ. Оставили меня. Зима — чистка во 2 МГУ — не [бросили] меня. Весна — пригласили завед[овать] кафедрой (в мае мес[яце]). Раздел 2-го МГУ. Лето — масса огорче-

ний» [19, л. 20]. Действительно, в 1930 г. II МГУ был разделен на несколько вузов. Из его состава выделен медицинский факультет и превращен во II Московский государственный медицинский институт. В этом обновленном институте в 1930 г. Александру Андреевну избрали профессором и директором кафедры физики. Как вспоминал В.К.Аркадьев, «кафедра не получила ни помещения, ни оборудования» [20, л. 14]. Несмотря на это, Глаголевой удалось наладить работу. К началу 1932 г. ею были организованы новая физическая лаборатория, рентгеновский кабинет и механическая мастерская. «Немного позже, — пишет В.К.Аркадьев, — она организовала также и научную лабораторию, в которой вели исследовательскую работу сотрудники ее кафедры» [20, л. 14]. Это произошло в 1935 г. К.А. Волкова отмечает: «Под ее руководством начали вести научно-исследовательскую работу ассистенты этой кафедры на темы, близкие к основной работе А.А. ... Большая часть этих исследований в настоящее время закончена и опубликована в печати, остальные находятся в стадии исследования» [4, с. 13–14].

Одновременно в 1930 г. Александре Андреевне предложили взять на себя чтение лекций по физике и организацию преподавания этой дисциплины в целом на биологическом факультете I МГУ. Эта работа также потребовала немало сил: «В первый год работы на биофаке ею читался один курс общей физики, но уже в следующем году после преобразования биофака в четыре самостоятельных отделения — зоологическое, ботаническое, почвенное и географическое, ей пришлось проводить большую организационную работу по выработке четырех отдельных планов преподавания, составлять четыре разных программы и т.д. Кроме того, на самих отделениях возникали подразделения на группы по разным специальностям, требовавшие

особых планов курса физики», — писал В.К.Аркадьев [20, л. 14].

В 1930-е гг. Александра Андреевна неожиданно для себя оказалась во главе двух крупных кафедр двух крупнейших московских вузов. В этом качестве ее привлекали к работе в комиссиях Всесоюзного комитета Высшего технического образования для составления учебных программ по физике, в том числе для медицинских институтов СССР, а также к различной общественной работе. Вообще ее карьера в эти годы складывалась вполне успешно. В 1933 г. ее избрали действительным членом Научно-исследовательского института физики МГУ, в 1935 г. ей была присвоена степень доктора физико-математических наук без защиты диссертации. Необходимый для этого отзыв представил академик А.Ф.Иоффе [21, л. 6]. В 1938 г. коллектив научных работников Научно-исследовательской лаборатории физики 2-го Московского медицинского института выдвинул Глаголеву-Аркадьеву кандидатом в члены-корреспонденты АН СССР [22, л. 7].

В конце 30-х гг. состояние здоровья Александры Андреевны резко ухудшилось и в 1937 г. она была вынуждена оставить заведование кафедрой во II Медицинском институте, а весной 1939 г. — в МГУ. Тем не менее, она не бросала своей научной и общественной работы не только в конце 30-х гг., но и в годы Великой Отечественной войны. А.А.Глаголева-Аркадьева ушла из жизни 30 октября 1945 г. и была похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве. На посвященном ее памяти заседании Отделения физико-математических наук АН СССР, состоявшемся 14 января 1946 г., ее товарищи, коллеги, ученики сказали немало теплых слов о выдающимся ученом и талантливом педагоге. С.И.Вавилов, выступивший с вступительной речью, завершил ее предложением издать собрание сочинений Александры Андреевны, что и было исполнено уже в 1948 г. [23].

ЛИТЕРАТУРА

1. Письмо Глаголева А. к А.А. Глаголовой. 1905 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 40, 40 об.
2. Глаголева А.А. Прошение о пособии на взнос платы. 20 февраля 1910 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 43.
3. Глаголева-Аркадьева А.А. Автобиография. 3 октября 1927 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122. Л. 43.
4. Волкова К.А. А.А. Глаголева-Аркадьева. 1884–1945 // Глаголева-Аркадьева А.А. Собрание трудов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
5. Зильберштейн С.С. Мои воспоминания об А.А. Глаголовой-Аркадьевой. 24 февраля 1946 // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 134. Л. 7.
6. Румянцева Е.М. Воспоминания о А.А. Глаголовой-Аркадьевой. 14 января 1946 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 139. Л. 2.
7. Глаголева А.А. Прошение о зачислении на Московские Высшие женские курсы. 7 мая 1905 г. // ЦАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 2.
8. Глаголева А.А. Прошение о зачислении на Московские Высшие женские курсы. 9 мая 1906 г. // ЦАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 1, 1 об.
9. Сведения о педагогической, общественной и научной работе А.А. Глаголовой-Аркадьевой. 12 октября 1930 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122. Л. 35.
10. Основные даты жизни и деятельности А.А. Глаголовой-Аркадьевой. Б. д. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 1226. Л. 7.
11. Глаголева-Аркадьева А.А. О применении стереометрии в рентгенографии // Глаголева-Аркадьева А.А. Собрание трудов. М.; Л., 1948.
12. Архангельский Б.А. Новый метод прогнозов родов. М.; Л., 1926.
13. Малов Н.Н. А.А.Глаголева-Аркадьева (1884–1945) // Успехи физических наук. 1946. Вып. 5–6.
14. Глаголева-Аркадьева А.А. Метод получения наиболее коротких электромагнитных волн // Труды Третьего съезда Российской ассоциации физиков в Н.-Новгороде 17–21 сентября 1922 г. Н.-Новгород, 1923.
15. Glagoleva-Arkadieva A.A. Short electromagnetic waves of Wavelength up to 82 microns // Nature. 1924. № 113 (2844). Р. 640.
16. Вавилов С.И., Иоффе А.Ф. Профессор А.А.Глаголева-Аркадьева // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 132. Л. 4.

17. Vavilov S., Ioffe A. Professor A.A.Glagoleva-Arkad'eva // Nature. 1947. № 159. P. 296.
18. Глаголева-Аркадьева А.А. Curriculum vitae // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 161. Л. 80.
19. Глаголева-Аркадьева А.А. Краткие (погодные) дневниковые записи. 1927–1945 // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122а. Л. 20.
20. Биографические статьи и очерки о А.А.Глаголевой-Аркадьевой // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 129. Л. 14.
21. Иоффе А.Ф. Отзыв о научной деятельности А.А.Глаголевой-Аркадьевой. 28 апреля 1936 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 124. Л. 6.
22. Материалы по выдвижению А.А.Глаголевой-Аркадьевой в члены-корреспонденты АН СССР. 1938 г. // Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 124. Л. 7.
23. Глаголева-Аркадьева А.А. Собрание трудов. М.; Л., 1948.